

Чарльз Диккенс

Никто

Он жил на берегу большой реки, широкой и глубокой, всегда молчаливо катившейся к огромному, еще не открытому океану. Катилась она с тех пор, как мир стоит. Иногда она меняла направление и сворачивала в новое русло, оставив прежние свои берега сухими и бесплодными; но она всегда текла и текла, и будет она течь до скончания времен. Ничто не могло противиться ее могучему течению. Ни одному живому существу, ни цветку, ни листку, ничему на свете — ни живому, ни мертвому — не случилось воротиться из того неоткрытого океана. Река безудержно катилась к нему; и никогда не останавливалась, как не останавливается земля в своем вращении вокруг солнца.

Он жил в мире, где все были заняты делом, и зарабатывал на жизнь тяжелым трудом. У него не было надежды стать когда-нибудь настолько богатым, чтобы хоть один месяц прожить без тяжелой работы, — но, видит бог, он был вполне доволен и работал не унывая. Он был из огромной семьи, где все сыновья и дочери, чтоб день прожить, должны были день отработать с раннего утра до поздней ночи. Только на такую участь он и

мог рассчитывать и не искал иной.

В той округе, где он проживал, очень много били в барабаны, и трубили в трубы, и держали речи; но к нему это не имело касательства. Весь шум и суматоху производила семья Сановных — племя, удивлявшее его своим бессмысленным поведением. Эти люди воздвигали перед его дверьми нелепые изваяния, чугунные, мраморные, бронзовые и медные; и застили свет в его окнах ногами и хвостами конных статуй. Он дивился, к чему это все, и усмеялся на свой лад, грубовато и добродушно, и не прекращал своей тяжелой работы.

Семья Сановных (а входили в нее все самые почтенные люди тех мест и все самые шумливые) надумала избавить его от труда самому о себе заботиться и взялась управлять им и его делами.

— А ведь и вправду, — сказал он, — я все работаю, мне некогда; ежели вы будете так добры и станете обо мне заботиться за те деньги, что я вам выплачиваю, — ибо семья Сановных отнюдь не брезговала его деньгами, — вы с меня снимете груз, и я вам буду очень даже благодарен, потому как вы лучше все разумеете.

Вот почему били в барабаны, и трубили в трубы, и держали речи, и ставили безобразные конные статуи, перед которыми ему полагалось падать ниц.

— Я тут ничего не понимаю, — сказал он, смущенно потирая морщинистый лоб. — Но, наверно, ежели разобраться, так какой-то смысл в этом есть.

— Смысл всего этого, — поспешила объявить семья Сановных, когда до нее дошли его слова, — высокая честь и слава за высокие заслуги.

— Вот оно что! — сказал он. И рад был это услышать.

Но сколько ни разглядывал он фигуры, чугунные, мраморные, бронзовые и медные, он среди них не нашел своего, казалось бы, заслуженного земляка, сына некоего варвикширского торговца шерстью ¹, или кого-нибудь еще из своих достойных земляков. Ему не удалось найти среди них никого из тех, чьи знания избавили его и его детей от страшной обезображивающей болезни, чья отвага раскрепостила его дедов рабов, чья мудрая фантазия раскрыла перед самыми униженными новую, более высокую жизнь, чья изобретательность наполнила мир трудового человека множеством чудес. Зато нашел он там таких, о ком не знал ничего хорошего, и даже

---

¹ ...сына некоего варвикширского торговца шерстью... — намек на Шекспира.